

Цяо Фэй

На дворе был месяц апрель. Только что закончился национальный специализированный экзамен по французскому языку, и мы все ждали своей оценки.

Солнце светило ярко, это был теплый и прекрасный весенний день.

Выглянув из большого светлого окна библиотеки, можно было увидеть темно-синее море, волны, колышущиеся на весеннем ветру, и чайку, расправившую крылья в вышине, так и соблазняя расслабиться.

Я сидела в библиотеке и так долго занималась, что мне это немного надоело. Я по привычке листала страницы словаря. На глаза мне попало слово «fatalité»; женское существительное; судьба, рок, карма.

Кто-то похлопал меня по плечу. Это была Сяо Дань, подружка, занимавшая койку над моей. Она спросила меня, почему я все еще здесь - лекция вот-вот должна была начаться. Так что я по-быстрому собрала вещи и вышла из читального зала вместе с ней.

Я на мгновение задумалась, а потом вспомнила, что сегодня днем у меня очень важная лекция. Должен был выступать старшекурсник, вернувшийся с занятий устным переводом на базе Парижа III [1]. Кажется, я перегрелась на солнце, раз забыла что-то настолько важное. Я поспешно собрала свои книги и побежала с Сяо Дань в лекционный зал французского языка.

Старшекурсником, который будет читать лекцию, был Чэн Цзя Ян, и он был хорошо известен в нашей языковой школе, которая была лучшей в стране. Его родители оба были высокопоставленными чиновниками в министерстве иностранных дел, оба закончили эту школу, начав свою карьеру в качестве переводчиков высокого уровня. Его отец - француз, мать - англичанка. С самого раннего детства Чэн Цзя Ян рос, слыша дома три языка. Другие истории о Чэн Цзя Яне, помимо необычных обстоятельств, в которых он вырос, говорили о его уме, трудолюбии, скромности и приверженности трудовой этике. К сожалению, к тому времени, как мы поступили в школу, он уже уехал учиться за границу в Париж III. Когда учителя говорили о нем в классе, девушки мечтали, а ребята говорили: «Учитель, это старые истории. Мы должны смотреть в настоящее и на нынешних выдающихся студентов».

Когда пришла Сяо Дань, лекционный зал был переполнен. Что меня разозлило, так это то, что для нас, французских студентов, уже не хватало мест, потому что помимо нас там были студенты других специальностей. Девушки с английского отделения уже давно заняли места рядом с нами, и у меня были основания полагать, что у них были скрытые мотивы. Ну что за глупышки!

Я услышала неясный голос, зовущий меня и Сяо Дань по имени, и в толпе я разглядела нашу соседку по комнате Бобо. Она стояла на другой стороне лекционного зала и звала нас. Хорошая подруга, которая бесстыдно заняла нам места. Но люди здесь были упакованы плотнее, чем мясо в фрикадельке, и как мы должны были пробиваться через них?

Лекция еще не началась, и у меня не было другого выбора, поэтому я схватила Сяо Дань и запрыгнула на стол, решив таким образом скоротать путь. Послышались удивленные и недовольные возгласы. Я студентка языковой школы и знаю, что любой язык богат, но не богаче, чем у нашей великой Родины, где люди привозят языки и диалекты из своих родных городов.

Этот путь был трудным и медленным, и прежде чем мы достигли места назначения, шум прекратился, и стало тихо, очень тихо. Затем раздались аплодисменты. Я знала, что произошло. Звезда, читавшая лекцию, Чэн Цзя Ян, которого все с нетерпением ждали, наконец-то появился. Но ряды сидений в этом лекционном зале были наклонены вниз, и мы обе все еще находились достаточно высоко, чтобы привлечь к себе внимание. Мы опустили головы, наклонились и почти ползли вперед.

В конце концов, поспешив, мы чуть ли не кубарем скатились к Бобо. Я поспешно села, поправила одежду, пригладила волосы, успокоилась, а потом открыла глаза и посмотрела на звезду, полная предвкушения.

Итак, это был Чэн Цзя Ян.

В глубине души я уже набросала его внешность. Скромный джентльмен, умный ученик, зрелый ученый или красивый мужчина. Но его появление превзошло все мои ожидания.

Мужчина перед трибуной был очень молод, высок, худощав, одет в повседневную мягкую белую рубашку и черные брюки, и все же у него была элегантная аура. Его кожа была очень бледной, и я, сидя далеко от него, не могла четко видеть всех черт его лица, лишь пару улыбающихся ярких черных глаз. Его черные кудрявые волосы спускались ниже ушей. Он выглядел одновременно мягким и сдержанным.

Как и большинство девушек в этом лекционном зале, я не хотела моргать, и мое сердце уплыло прочь.

Потом я услышала, как он спросил: «Я говорю по-китайски или по-французски?»

Его голос был глубоким и резким, словно всплеск воды в глубоком пруду.

Я услышала, как кто-то пробормотал: «Все, что ты захочешь, милый» [2].

Это была я, Цяо Фэй, которая только что впервые увидела Чэн Цзя Яна.

Для этой лекции, по просьбе иностранной общины, Чэн Цзя Ян произнес свою речь на китайском языке. Он рассказал о своем опыте обучения за рубежом в Париже III, о своей интенсивной учебе, экзаменах, внеклассной подготовке по этикету, навыкам дипломатии, а также о своей практике устного перевода на нескольких крупных конференциях в Брюсселе и

Страсбурге. После этого была проведена сессия вопросов и ответов со студентами. Первые несколько вопросов были стандартными вопросами о структуре занятий в Париже III, о том, как поехать учиться за границу, и о методах перевода. Но вскоре после этого, под руководством некоторых мечтательных дурочек, направление разговора перешло от жизни в Париже к местным обычаям и образу жизни, а также предметам, которые были хорошо и по-настоящему расписаны программами путешествий. И, в конце концов, кто-то из толпы людей крикнул: «Старшекурсник, ты воспользовался шансом найти себе подружку-француженку?» Я была очень зла, но в то же время мне было очень любопытно, и я подумала про себя: «Чэн Цзя Ян, ты не можешь не ответить».

Чэн Цзя Ян улыбнулся и взял микрофон другой рукой.

Наконец он сказал по-французски: «Если бы я сказал «нет», это было бы разочарованием?»

Все засмеялись и снова заговорили. Девушка рядом со мной, которая учила испанский, спросила: «Что он сказал? Что же он сказал?»

Я посмотрела на эту назойливую девицу и ответила: «А почему я должна тебе рассказывать?»

Тогда я подумала, что Чэн Цзя Ян был выходцем из высшего общества, обладал приятным темпераментом, был человеком чистым, как белый снег, и действительно заставлял всех сохнуть по нему.

Размышляя о нем таким образом, я сидела перед большим зеркалом, накладывая макияж.

Я припудрила лицо, добавила длины бровям, пока они почти не коснулись волос на висках, и промокнула губы ярко-красным. Мои волосы были такими черными, что казались почти синими, и они были собраны высоко, открывая шею. Иностранцам нравился такой тип азиатской девушки.

Я одела золотую юбку, которая плотно облегла мою фигуру. Я улыбнулась зеркалу, а потом еще раз; не спорю, я показалась себе очаровательной.

Толкнув дверь, я увидела красные и темно-зеленые фонари, мерцающие огни и мелькающие тени - размытые сцены поиска удовольствий и вечеринок.

Это был самый популярный ночной клуб в городе - «Цин Чэн». Я одна из многих кокетливых девушек здесь, и меня зовут Фэй Фэй.

В отдельном номере под названием «Касабланка» клиенты просили девушек выпить с ними, поэтому я вошла внутрь. Там было четверо-пятеро мужчин лет тридцати, а в середине сидел

золотоволосый иностранец. Он обрадовался, увидев меня, и махнул рукой, чтобы я подошла. Кажется, сегодня мне повезло. Мне нравились молодые клиенты, они не были мерзкими, высоко ценили себя и не прибегали к грязным трюкам.

Я люблю петь, и особенно увлекаюсь этим, когда наполовину пьяна. Как Фэй Вонг я пою о мимолетном времени, как Карен Мок я пою о плодах середины лета. Все вокруг играет разными красками, и когда эмоции становятся слишком сильными, я хмурю брови. Клиент говорит, что у этой девушки что-то давит на сердце. Я смотрю на него, но ничего не говорю. Здесь человек с деньгами может всю ночь держать вас в поле зрения. Хотя я не поднималась на сцену, я заработала хорошие чаевые.

Один вечер в неделю я работаю в Цин Чэн хостес [3], и этих денег хватает для моих повседневных расходов, и я даже могу отправить часть домой.

Я думаю, что я не единственная студентка университета, которая ведет такой образ жизни. На самом деле такие люди, как я, не редкость, и я думаю, что этот тип образа жизни богат на изобилие возможностей - я знаю, как защитить себя, и мои горести не такие уж большие. Ключевые слова здесь - «не такие уж большие».

Я сама себя обеспечиваю, и я люблю жизнь.

Чэнь Цзя Ян

С тех пор как я вернулся из Франции, мои родители уехали в Марокко по делам, а телефон моего старшего брата был выключен, как обычно. Даже такой большой дом, как этот, не может собрать нашу семью.

Я вернулся в университет, чтобы заняться бумажной работой и поговорить. Поскольку я уже получил диплом во Франции, мне лишь нужно было сдать до июня свою магистерскую диссертацию научному руководителю, и я мог бы получить здешний диплом. Надеюсь, кампус отремонтировали с тех пор, как я был здесь в последний раз. Младшекурсники приветствуют меня с энтузиазмом, и я вспоминаю время, когда был в их возрасте, и как я был влюблен в одну девушку.

Знала ли она об этом?

Класс интенсивного чтения английского языка учителя Фу Мин Фан находился в третьем корпусе в 402-й аудитории. Когда я приехал, студентов было немного, и они сидели в задней комнате на стульях у окна. Ребята входили один за другим, и я думаю, что некоторые из них узнали меня. Девушки смотрели на меня и шептались на ухо своим товарищам. Я улыбнулся им, и они радостно сказали: «Здравствуйте, старшекурсник Чэн Цзя Ян». Они не были похожи на учеников с профилирующим английским языком, а скорее с корейским или японским.

- Привет, - сказал я.

Прежде чем прозвенел звонок, в класс вошла Мин Фан, Фу Мин Фан.

Теперь у нее были прямые волосы, спадавшие за уши, а одета она была в светло-голубую вязаную рубашку с кремовыми брюками. Это действительно соответствовало ее стилю и делало ее еще стройнее. Она использовала английский язык, чтобы спросить своих студентов: «Вы закончили читать «Старика и море»? Вам понравилось?» А потом она, наконец, увидела меня.

После того как она отвела занятия, мы пошли в маленькое кафе на территории кампуса.

- Я слышала, как студенты говорили о твоей лекции, Цзя Ян. Ты всегда был популярным. Как продвигается твоя учеба? Не бывает трудно?

- Нет, не очень. Я могу справиться. Мои учителя во Франции оценили мою дипломную работу и практику на «А» [4], Мин Фан.

- Я знаю, меня это не удивляет. Ты всегда был лучшим учеником в каждой группе.

- Ты ни разу не ответила на мои письма.

- На какую почту ты их отправлял? Мне пришлось поменять почту, потому что я забыла свой пароль от хотмэйл.

- Ты дала мне только тот мэйл.

Мин Фан улыбнулась, и ее красивое лицо стало почти прозрачным под лучами солнца.

- Я также отправлял тебе обычные письма.

- Разве я не ответила?

- Да. Я написал десять писем, а ты ответила на одно, и оно было не длиннее почтовой открытки.

- Оставь это, Цзя Ян. Не будь ребенком. Я беспокоилась, что у тебя слишком много домашних заданий. Теперь ты вернулся, и все наладится. Ведь мы можем часто видеться? Кстати, как продвигается твоя работа? Я слышала, что твой отец уже договорился о том, чтобы тебя приняли в департамент устного перевода министерства иностранных дел.

- А куда еще мне идти? Кроме перевода, я больше ничего не умею делать.

За два года, проведенные в Париже, я ни разу не был дома, потому что мне надо было писать

курсовую, и я был занят своей стажировкой. Я посылал бесчисленное количество писем Мин Фан, но это было все равно, что бросать камешек в море, не получив ответа. За два года я написал ей десять толстых писем. На прошлое Рождество она ответила на одно из них, призывая меня сосредоточиться на учебе и заботиться о здоровье. В нем было не более 200 иероглифов.

Дело не в том, что она не знает, что я чувствую, просто она такая скупая.

Но хорошо, что я вернулся, и Мин Фан тоже здесь. Теперь, глядя ей в лицо, я забываю обо всех своих обидах, и чувство нежности наполняет мое сердце. Увидев ее руку на столе, я накрываю ее своей.

- Мин Фан.

- Хм?

- Мин Фан.

- Да?

- Я просто хочу позвонить тебе.

Ее мягкий смех действительно был прекрасен.

- Цзя Ян, приходи сегодня ко мне на ужин.

- Окей.

Мой отец и отец Мин Фан были школьными товарищами, которые вместе учились за границей. Они взяли соседние места, плыли на одном и том же судне и сняли один и тот же дом. После того как они вернулись домой, мой отец остался в Министерстве иностранных дел, а отец Мин Фан занимал должность в Министерстве образования. Дружба, которая была у них в юности, длилась всю их жизнь и перешла к следующему поколению - ко мне, моему старшему брату и Мин Фан.

Зная, что я приду, мать Мин Фан специально велела экономке приготовить мой любимый с детства сельдерей и тушеного карпа. Ее отец был за границей по делам, но я думаю, что, по крайней мере, мать Мин Фан не была так занята, как моя мать. По сравнению с моим домом здесь было намного теплее.

Еда была очень вкусной, и я наелся до отвала.

Мать Мин Фан знала, что сейчас дома только я и экономка, поэтому сказала мне, что я могу приходить сюда каждый день, чтобы поесть, и я согласился. Мин Фан вышла из столовой, чтобы ответить на звонок. Я не знаю, кто это был, но она говорила довольно долго, и я услышал ее тихий смех, доносившийся с балкона.

Я попрощался сразу после восьми вечера.

Мин Фан вышла меня проводить, и сказала, чтобы я вел осторожно. Когда я завел мотор, она вдруг постучала в мое окно: «Точно, я забыла тебе сказать. Цзя Ян, я выхожу замуж».

На дворе был месяц апрель. В весеннюю ночь должен дуть теплый ветерок. Я не пил, так почему же мне было холодно, и почему мои руки, крепко сжимавшие руль, дрожали?

Моей первой реакцией было громко спросить ее: «Что с тобой не так? Почему ты выходишь замуж? Ты ведь не такая старая?»

- А почему должно быть что-то не так? - Она все еще мягко улыбалась. - Ты забываешь, что я старше тебя на 4 года. Мне уже 29 лет, разве этого недостаточно?

Я быстро завел машину и увидел, как Мин Фан отпрянула.

Я ехал со скоростью молнии, мой разум был совершенно пуст.

Я даже не знаю, как добрался домой. Когда я более-менее пришёл в себя, я тупо сидел в своем кабинете и даже не включил свет.

«Точно. Я забыла тебе сказать, что выхожу замуж», - сказала Мин Фан. Она намеренно не придавала этому большого значения. Мне бы хотелось, чтобы моя реакция не была столь явной, и чтобы в следующий раз, увидев ее, я смог бы спокойно справиться с ситуацией, иначе я бы подвел Мин Фан.

Но я чувствовал только пульсирующую боль в своем сердце. Должен же быть способ остановить боль, верно?

Я вернулся в свою комнату и нашел в глубине винного шкафа маленькую пачку особых сигарет; коричневая папиросная бумага была тонкой, как пальцы женщины. Я закурил одну сигарету и глубоко затянулся. Мой рот, внутренние органы и голова окутались ароматным дымом, и боль как будто исчезла.

Возникло ощущение, словно я вернулся в прошлое, в прошлое, которое уже не вернуть, где Мин Фан гладила меня по волосам и нежно целовала в лоб.

[1] Университет Париж III Новая Сорбонна - французский государственный университет специализирующийся в области литературы, языков, театрального искусства и коммуникаций. Основан в 1970 году на базе факультета литературы Сорбонны в результате реорганизации Парижского университета.

[2] здесь она сказала Сяо гэгэ (кит. 弟弟), что дословно с китайского переводится «младший брат». Но в словаре нашла и такой жаргонный вариант - «милый мальчик»

[3] название профессии хостес произошло от английского host, что буквально значит «принимать гостей». Это представитель (хост) или представительница ресторана — в основном профессия популярна среди девушек, — который радушно встречает посетителей, провожает их за столик, всячески помогает сориентироваться в обстановке, почувствовать себя желанными гостями.

[4] на «А» т.е. на отлично, на 5

<http://tl.rulate.ru/book/33325/729409>